

С.Т. Тайшанова¹, Г.К. Ольчикенова²¹Международный университет Астана, Астана, Казахстан²Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан

(E-mail: saltushka84@yahoo.com, gulmira14k@gmail.com)

Образ Чингисхана и его роль в национальной идеологии Монголии

Аннотация. В статье проведен анализ образа Чингисхана в национальной идеологии и исторической политике Монголии. Изучение данной темы актуально сегодня в условиях происходящих больших геополитических изменений. В этом контексте важно отметить различные методы и технологии, применяемые для формирования гражданского сознания и национального единства монголов. Одним из ключевых подходов является повсеместная интеграция внеисторического образа Чингисхана в различные сферы жизни монгольского общества. Однако здесь важно различать реальную историческую личность Чингисхана и конструируемый образ, активно продвигаемый современным руководством Монголии. Критический анализ этих различий позволяет лучше понять нюансы формирования коллективной идентичности. Данный вопрос изучается в рамках отдельного направления, как монголоведение, созданного совместными усилиями российских, французских, немецких, британских исследователей кочевой монгольской цивилизации, ее оригинальной культуры, и получившего в последнее десятилетие широкое распространение и в самой Монголии. Наибольший интерес представляет исследование работы трех последних монгольских президента над образом Чингисхана, поскольку они олицетворяют собой современную Монголию, а период их работы охватывает как расцвет демократии в стране, так и ее современный кризис. Сделан вывод о том, что ныне действующий президент продолжит отсылать монгольский народ к Чингисхану, но уже не как к мудрому строителю государства, а как к его несгибаемому и безальтернативному властителю, правившему до самой своей смерти. Ведь именно большие идеи, как подсказывает практика, приходят на помощь правящему режиму в условиях, когда его экономические способности исчерпаны и предъявить избирателю становится нечего. Таким образом, в современной Монголии мемориальный канон формируется как один из результатов проводимой элитами исторической политики, в рамках которой особое место занимает концепт «государственность», соотносимая с категорией «монгольскости».

Ключевые слова: монголоведение, Чингисхан, национальная идеология, историческая политика, Монгольская империя, Монгольская народная республика, современная Монголия, Могулистан, Могулы, Улус Чагатай, история монголов, чингисханизация, Монгол Улс.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-6887/2023-145-4-138-146>
Поступила: 28.07.2022 / Принята к опубликованию: 10.11.2023

Введение

Начавшийся в 1990 г. процесс демократизации социалистической Монголии привел к возрождению имперских образов Чингисхана и его первых потомков, которые существовали в XIII в., в социокультурном и этнополитическом контексте. Монгольская «перестройка» и последовавшая гласность способствовали появлению в 1989 г. статей на тему грядущего юбилея Сокровенного сказания монголов (ССМ) или Тайной истории монголов (ТИМ) -

первого из известных исторических и литературных памятников монголов, о Чингисхане и – отдельным блоком – критикующие прошлое Монгольскую народную республику, именуя его «периодом колониального господства, а не социалистического братства». Статьи, опубликованные позднее о закрытом городе на урановых рудниках и репрессиях, а также лозунги «Монголия для монголов», появившиеся на демонстрациях, окончательно утвердили антисоветскую направленность происходившего.

Празднование в 1990 г. 750-летия Монгольской империи привело к тому, что «монголы находились в невиданной до этого эйфории общенационального масштаба» [1, с. 82]. Это событие послужило катализатором для формирования коллективной национальной идеологии в самом начале перехода страны к демократии. Термин «чингисханизация», предложенный В.И. Терентьевым, точно характеризует разнообразные подходы к формированию гражданского самосознания и национального единства монголов. Эти подходы предполагают повсеместную интеграцию аисторического образа Чингисхана в различные сферы жизни монгольского общества. [2, с. 147].

Методология исследования

Использованы исторический и аналитический методы исследования литературных источников и интернет ресурсов, а также метод аналогии. Выводы сделаны с использованием методов индукции и дедукции. Важно провести разграничение между исторической фигурой Чингисхана и создаваемым современным правительством Монголии образом, который используется для политических целей. Особенно интересным является образ хана, который становится объектом политических манипуляций.

Обсуждение

В научных кругах давно известны случаи использования исторического прошлого с целью создания положительного образа величия и его влияния на формирование национального самосознания в новом обществе. Это же обстоятельство отмечают и монгольские культурологи: «В Монголии переосмысление своей национально-культурной идентичности привело к ее конструированию, по сути, на основе истории..., обращение к легендарной истории явилось единственным способом преодоления кризиса идентичности» [3, с. 13-14].

Высказывается мнение, согласно которому «чингисханизация» поможет укрепить новую идеологию гражданского национализма, в основе которой лежит образ Чингисхана. При этом важная роль отведена западным демократическим ценностям. Очевидное противоречие решается путем представления Чингисхан в современной монгольской интерпретации, возможно, под влиянием таких зарубежных исследователей, как П.Л. Саблофф [4, р. 38-40], представлен в качестве некоего «отца мировой демократии». Образ Чингисхана является символом «историко-культурного стержня, на котором будет сплочена единая монгольская нация» [3, с. 15]. А.С. Шмыт считает, что идея нации на демократическом этапе направлена в прошлое и может быть рассмотрена как «к ностальгии, сентименту, тоске» [5, с. 308].

Монголоведение было создано благодаря совместным усилиям российских, французских, немецких и британских исследователей, которые изучали кочевую монгольскую цивилизацию и ее уникальную культуру. Монголоведение развивалось как комплексная наука о монгольских науках, изначально не разделяя монгольскую лингвистику, этнологию, историю, источниковедение и историографию. Со временем было собрано огромное количество научного материала по истории, экономике, политике и международным отношениям Монголии [6, с. 3]. В последние десятилетия в самой Монголии монголоведческие историографические исследования получили широкое признание, возможно, благодаря изменению методологии и тематики исторических исследований, а также поиску преемственности в исторических традициях. Также

большое внимание уделяется введению новых исторических источников в научный оборот и формированию современной концепции истории Монголии, особенно в период нового и новейшего времени [6, с. 14].

Результаты

Процесс изменения социокультурной и политической сферы Монголии в сторону «чингисханизации» начался с модификации государственной символики. Правительство вернуло стране ее историческое название - Монгол Улс (Государство Монголия), вместо Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улс (Монгольская Народная Республика). Также воссозданы девять белых бунчуков-знамен, теперь используемые в качестве государственных символов на государственных праздниках и церемониях. А в 2006 г. было отмечено 800-летие образования Монгольского государства и установлен памятник Чингисхану у Дворца Правительства Монголии, заменивший ранее находившийся на этом месте мавзолей Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана, что стало апофеозом реставрации [5, с. 309].

В 2006 г. президент Монголии Н. Энхбаяр ввел закон, который устанавливал правила использования имени хана. Согласно этому закону, компании, использующие имя хана в своем названии, должны были уплачивать 0,2% от своей прибыли в казну, а за использование имени хана в названии своей продукции - 0,4% от объема продаж. «Этот закон также позволяет избежать оскорбительного или унижающего использования изображения лидера и его использования политическими партиями и иностранными производителями» [5, с. 309]. Но использование имени Чингисхана в коммерческих целях так и не было полностью урегулировано [7, с. 162]. Постепенно, через внедрение его образа в различные сферы жизни монгольского общества, включая маркетинг и туризм, он стал центральной осью национального дискурса.

Таким образом, нынешнее правительство Монголии продолжает поддерживать и культивировать связь с «отцом нации» [8, р. 35] через использование государственных символов, которые присутствуют на различных государственных церемониях, не всегда непосредственно связанных с ними. Так иностранные послы перед тем, как вручить верительные грамоты президенту Монголии, проходят мимо памятника Чингисхана и преклоняются перед ним. Аналогично должны поступать и иные официальные иностранные лица. Во время инаугурации 10 июля 2013 г. вторично избранный президент Монголии Ц. Элбэгдорж принимал присягу «под великим взором Великого Чингисхана, перед Девятью государственными флагами...», сказав: «Я буду с усердием трудиться для того, чтобы натянутые Великим Чингис-ханом золотые бразды Монгольского государства, оставались священными и никогда не ослабевали» [9, с. 135].

В июле 2013 г. в рамках «чингисханизации» центральная площадь Улан-Батора стала называться именем Чингисхана, ранее носившая имя героя монгольской революции Д. Сухэ-Батора. Однако в августе 2016 г. верховный суд признал это постановление не имеющим юридической силы, и площади было возвращено ее прежнее название. В 2013 г. также был переименован центр Хэнтэйского аймака г. Ундурхан – на «Чингис».

В целом крайне интересно исследовать то, как три последних монгольских президента – Ц. Элбэгдорж (2009-2017 гг.), Х. Баттулга (2017-2021 гг.), У. Хурэлсух (2021 г. – ныне действующий) – работали/работают с образом Сотрясателя Вселенной. Именно эти трое, поскольку они олицетворяют собой современную Монголию, а период их работы охватывает как расцвет демократии в стране, так и ее современный кризис.

Так, для Ц. Элбэгдоржа, который возглавил антикоммунистические митинги в 1989 г. и фактически проложил дорогу к провозглашению республики в 1992 г., Чингисхан стал важнейшим символом независимости и самосознания монгольского народа, без которых невозможна настоящая демократия. Большую часть своей политической карьеры он посвятил перезагрузке образа древнего правителя – из порожденного советской пропагандой кровожадного варвара-тирана в объединителя народов, создателя монгольской государственности и чуть ли не демократии, толерантного ко всем религиям и культурам.

Уже став президентом Монголии, Ц. Элбэгдорж даже приводил Чингисхана и его мировую державу тех времен в пример президенту США Б. Обаме – и настаивал, что свое истинное величие Темуджин создал отнюдь не оружием.

Конечно, это было лишь новым этапом мифологизации образа – выкрученную на максимум жестокость сменила утрированная добродетель. Однако реальный, исторический Чингисхан фактически уже не имеет никакого значения, куда важнее ценности, которые он олицетворяет. Так человек, наводивший страх на половину планеты почти тысячу лет назад, помог Ц. Элбэгдоржу сначала вернуть монголам независимость и самосознание, а затем и гордость.

Под знаменем древнего диктатора первый в истории страны президент-демократ проводил реформы, снижал коррупцию и создавал прозрачную судебную систему. При нем же произошел коммерческий бум, когда имя и изображение Чингисхана использовались на различных товарах, и как следствие – рост монгольской экономики. На пике этого тренда президентом 24 ноября был провозглашен Днем гордости.

Второй срок Ц. Элбэгдоржа (2013-2017 гг.) выдался более спокойным в этом отношении – вероятно, потому, что сформировавшаяся монгольская демократия уже не так сильно нуждалась в опоре на фигуру национального лидера, а начавшиеся в 2014 г. экономические проблемы страны, в то же время, требовали более осознанных и предметных решений [10].

Так, победивший на выборах президента олигарх Х. Баттулга (2017-2021 гг.) к образу Чингисхана уже практически не обращался. Еще в 2016 г. к власти пришла Монгольская народная партия (МНП), забравшая большинство голосов в Великом государственном Хурале, и пестование хана ханов сделала уже своей прерогативой. Президенту-оппозиционеру пришлось предлагать свою повестку, которую политологи склонны сравнивать с программой Д. Трампа, ставшего президентом США примерно в то же время [10].

При этом, именно Х. Баттулга в свое время профинансировал (вложив до 4 млн. долл.) строительство огромной статуи Чингисхана рядом с Улан-Батором, ставшей одним из главных пунктов в программе любой туристической группы в Монголии. Российская академия художеств даже утверждает, что Х. Баттулга еще и буквально создал знаменитый памятник как скульптор.

Впрочем, в качестве президента в оппозиции он оказался менее успешен. Чтобы не дать популярному в народе демократу переизбраться на второй срок и полностью сконцентрировать власть в своих руках, в 2019 г. МНП провела поправки в Конституцию, ограничивающую президентские полномочия одним шестилетним сроком вместо двух четырехлетних. Тем самым, Х. Баттулга автоматически утратил возможность остаться у власти, а достойной альтернативы у расколотых к тому времени демократов для него не нашлось.

На выборах 2021 г. победил лидер МНП У. Хурэлсух – и с него начался следующий этап «чингисханизации» на государственном уровне. В июле 2022 г. в Улан-Баторе прошел масштабный культурно-спортивный фестиваль, приуроченный к национальному празднику Нааадам. Борьба за ценные призы в популярных у монголов видах спорта прошла на Центральном стадионе, но если с дальних трибун спортсменов можно было и не разглядеть, то огромный портрет Чингисхана, возвышающийся над ареной, был доступен взору тысяч зрителей с любой точки. В этот же день президент У. Хурэлсух издал указ о почитании Чингисхана, которым обязал все монгольские государственные учреждения в стране и за ее пределами разместить в своих стенах портрет создателя империи. И посоветовал сделать это всем без исключения монголам – пока по желанию.

В ноябре 2022 г. с трибуны Великого государственного Хурала глава государства указал на необходимость создания едва ли не отдельной науки для изучения Чингисхана, и вспоминает Каракорум, который правительство и депутаты от МНП решили совместно возродить на базе города Хархорин в Орхонской долине. Сам У. Хурэлсух о нем ранее не упоминал, но теперь данный проект может стать венцом его президентства – и проложить

дорогу для череды его преемников, которые настроены надолго застолбить за собой президентский кабинет и навсегда закрыть к нему доступ для других партий.

Такой контекст придает образу великого самодержца, чьи наследники несколько столетий удерживали в Монголии и на территории ряда других государств, совсем другие контуры. Фактически это снова однопартийная система, в центре которой уже не коммунистическая идеология, а идеи монгольского национализма – мощного топлива если не для новой диктатуры, то, как минимум, для крепкой автократии с демократическим налетом [10]. Созданию внеисторического образа хана, как ключевой фигуры современных технологий формирования гражданского самосознания и национальной консолидации монголов, характерно неофициальное включение его в социокультурное и этнополитическое пространство страны, а также замалчивание в общественном сознании и политической практике иных традиционных факторов идентификации монголов (экологическая ориентированность традиционной культуры и полукочевое скотоводство).

Однако, полагаем, что У. Хурэлсух будет и дальше отсылать монгольский народ к Чингисхану, но уже не как к мудрому строителю государства, а как к его нестигаемому и безальтернативному властителю, правившему до самой своей смерти. И, учитывая, что инфляция в стране продолжается, безработица растет, а энергетический кризис не решается, то, как подсказывает практика, общая для всех режимов и государств и куда более древняя, чем сам Чингисхан, когда экономические способности действующей власти достигают своего потолка, и предъявить избирателю становится нечего, на помощь приходят большие идеи.

И важным элементом современной исторической политики Монголии стала визуализация исторических образов прошлого, развитию которой способствовало постепенное перенесение образов национального прошлого из исключительно политической сферы в культурную сферу. Визуальные представления в культурной сфере также оказались эффективными для консолидации общества и распространения идеологически значимых нарративов, особенно для элиты. Эти представления связаны с древними государственными традициями монголов или их героической борьбой за независимость и сохранение своей идентичности.

Заключение

Анализируя проводимую в современной Монголии историческую политику, можно выделить ее основные характеристики.

Во-первых, сегодня в Монголии большое внимание уделяется продвижению государственных нарративов с несколькими целями, одной из которых является создание образа государства как главного персонажа национальной истории. Это направлено на укрепление идентичности монголов в качестве политической и гражданской нации, а также на поддержание официально признанного элитами мемориального канона.

Во-вторых, актуализация государственных нарративов в исторической политике подчеркивает намерение элит акцентировать связь с «великим предком» - Чингисханом. Организации, похожие на европейские «институты памяти», активно изучают наследие хана и его роль в коллективной памяти, что способствует признанию правящего режима как легитимного.

В-третьих, в исторической политике подобные нарративы имеют практическое значение, подчеркивая непрерывность в развитии монгольских государственных традиций. В частности, используются образы государств прошлого, особенно признаваемых монгольскими, что помогает интегрировать их в общее представление об истории, которая часто представляется в линейной системе координат.

В-четвертых, в исторической политике Монголии государство является главным «героем». Главная цель такого подхода - создать сильную связь между государственностью и национальной идентичностью. Привлекая образы великих личностей, вроде Чингисхана,

в исторический нарратив, они усиливают чувство гордости и патриотизма у нации, подчеркивая, что государство имеет корни в великой истории. Мифология политики памяти играет важную роль в формировании коллективной памяти и идентичности общества. С помощью акцентирования на определенных исторических фигурах и событиях, государство может влиять на восприятие и понимание прошлого, создавая конкретную идеологическую направленность

В-пятых, в отличие от Европы, где историческая политика часто формализована через создание специальных «институтов памяти», в Монголии она менее институционализована. Это позволяет гибче использовать историю для достижения целей, связанных с легитимацией элит и общей консолидацией идентичности.

Таким образом, в Монголии современный мемориальный канон формируется как результат исторической политики, проводимой элитами. В этом контексте особое значение придается концепту «государственности», который связывается с понятием «монгольскости». Сравнивая это с исторической политикой, проводимой элитами в 1990-х годах, можно сказать, что она отличается тем, что акцент сделан на травматических моментах прошлого, что в свою очередь способствовало фрагментации общества [11, с. 141].

В целом, связь между Чингисханом и возникновением монгольской государственности очень сильна. Этот яркий эпизод в мировой истории требует дальнейшего изучения. Чингисхану удалось создать государственное образование, которое считается важным историческим феноменом. Изучение роли Чингисхана в формировании новой империи, а также последствий его завоеваний для Европы, истории формирования полиэтнических областей, которые включали в себя огромную Монгольскую империю, имеет значимость и актуальность для современного мира, который находится в процессе больших геополитических изменений. Сегодня многие сторонники идеи пересмотра прошлого народов Евразии, и это невозможно сделать, не обращаясь к личности и деятельности Чингисхана, так как его история еще со времен XIII в. тесно переплетена с историей объединенных монголов [12, с. 120].

Современная историческая политика, проводимая в Монголии, направлена на консолидацию социума. Поэтому центральными фигурами в этой политике становятся монгольская нация и монгольское государство, которые рассматриваются не только как понятия современности, но также как исторические реалии, которые существовали в прошлом. В силу этого, в политическом и научном сообществе не принято подвергать сомнению их идентичность и тождественность из-за преобладания этноцентрических интерпретаций истории.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

Список литературы

1. Курас Л.В. Монголия после Цэдэнбала: от марксизма к социалдемократии // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 3 (39). – С. 80-88.
2. Терентьев В.И. Формирование и развитие этнического самосознания западных монголов в конце XIX – начале XX века: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.07 / Горно-Алт. гос. ун-т. – Горно-Алтайск, 2016. – 239 с.
3. Батжаргал З. К национально-культурной идентичности Монголии // Acta Mongolica. – 2013. – Vol. 14 (400). – С. 12-16.
4. Sabloff P.L.W. Genghis khan and modern Mongolian identity : the democracy connection // The Mongolian Journal of International Affairs. – 2002. – № 8-9. – P. 36-53.

5. Шмыт А.С. Культ Чингисхана в период Монгольской Народной Республики и в современный период как элемент национальной идентичности монголов // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 4 (47). – С. 307-310.
6. Кузьмин Ю.В. Монголоведы России XX века: персоналии, творческое наследие, концепции // Ю.В. Кузьмин. – Иркутск: Отгиск, 2022. – 320 с.
7. Зимин О.И. Чингисхан как символ этнической идентификации Монголии в глобализирующемся мире // Вестник Московского государственного областного университета. – 2013. – № 1. – С. 60-65.
8. Munkh-Erdene L. Selling of Good Father's Name : Legitimacy, Pride and Commodity (Commemoration of Chinggis Khan in Modern Mongolia) // Bulletin of School of Human Cultures. The University of Shiga Prefecture. – 2008. – Vol. 24, № 12. – P. 35-46.
9. Элбэгдорж, Ц. Я сын простого арата, научившийся ходить среди высоких гор / Ц. Элбэгдорж. – Улан-Батор, СПб, 2014. – 202 с.
10. Светлов А. Быть ханом. Как монгольский президент Хурэлсүх эксплуатирует образ Чингисхана [Электрон. ресурс] – 2022. – URL: <https://babr24.com/mong/?IDE=238106> (дата обращения 10.08.2023).
11. Кирчанов М.В. Политика памяти в Монголии в конце 2010-х - начале 2020-х гг.: участники, тематика и перспективы развития // Известия Восточного института. – 2023. – № 1 (57). – С. 131-146.
12. Леонтьева Е.А., Машиев М.Я. Образ Чингисхана в советской историографии // Современная научная мысль. – 2022. – № 2. – С. 115-121.

С.Т. Тайшанова¹, Г.К. Ольчикенова²

¹Астана халықарлық университеті, Астана, Қазақстан

²Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Шыңғыс ханның бейнесі және оның Моңғолияның ұлттық идеологиясындағы рөлі

Аннотация. Мақалада Моңғолияның ұлттық идеологиясы мен тарихи саясатындағы Шыңғыс ханның бейнесіне талдау жасалды. Бұл тақырыпты зерттеу бүгінде үлкен геосаяси өзгерістер жағдайында өзекті болып отыр. Бұл тұрғыда моңғолдардың азаматтық санасы мен ұлттық бірлігін қалыптастыру үшін қолданылатын әртүрлі әдістер мен технологияларды атап өту маңызды. Негізгі тәсілдердің бірі-Шыңғыс ханның тарихи емес бейнесін моңғол қоғамының өмірінің әртүрлі салаларына кеңінен біріктіру. Алайда, мұнда Шыңғыс ханның нақты тарихи тұлғасы мен Моңғолияның қазіргі басшылығы белсенді түрде алға тартқан бейнені ажырату маңызды. Бұл айырмашылықтарды сыни талдау ұжымдық сәйкестікті қалыптастырудың нюанстарын жақсы түсінуге мүмкіндік береді. Бұл мәселе орыс, француз, неміс, британдық зерттеушілердің көшпелі моңғол өркениетінің, оның өзіндік мәдениетінің бірлескен күш-жігерімен құрылған және соңғы онжылдықта Моңғолияның өзінде кең таралған моңғолтану сияқты жеке бағыт аясында зерттелуде. Ең үлкен қызығушылық-соңғы үш моңғол Президентінің Шыңғыс ханның бейнесін зерттеу, өйткені олар қазіргі Моңғолияны бейнелейді және олардың жұмыс кезеңі елдегі демократияның өркендеуін де, оның қазіргі дағдарысын да қамтиды. Қазіргі президент моңғол халқын Шыңғыс ханға жіберуді жалғастырады, бірақ енді мемлекеттің дана құрылысшысы ретінде емес, қайтыс болғанға дейін басқарған оның мызғымас және баламасыз билеушісі ретінде. Өйткені, бұл үлкен идеялар, тәжірибе көрсеткендей, басқарушы режимге оның экономикалық қабілеттері таусылып, сайлаушыға ұсынатын ештеңе болмайтын жағдайда көмекке келеді. Осылайша, қазіргі Моңғолияда мемориалдық канон элиталар жүргізетін Тарихи саясаттың нәтижелерінің бірі ретінде қалыптасады, оның аясында «моңғол» категориясымен байланысты «мемлекеттілік» тұжырымдамасы ерекше орын алады.

Түйін сөздер: моңғолтану, Шыңғыс хан, ұлттық идеология, Тарихи саясат, Моңғол империясы, Моңғол Халық Республикасы, қазіргі Моңғолия, Моғолстан, Моғолстан, Шағатай ұлысы, моңғолдар тарихы, Шыңғысханизация, Моңғол Ұлс.

S.T. Tayshanova¹, G.K. Olchikenova²

¹Astana International University, Astana, Kazakhstan

²L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

The image of Genghis Khan in Mongolia's national ideology and historical policy

Abstract. The article analyzes the image of Genghis Khan in the national ideology and historical policy of Mongolia. The study of this topic is relevant today in the context of the ongoing major geopolitical changes. In this context, it is important to note the various methods and technologies used to form the civic consciousness and national unity of Mongolians. One of the key approaches is the widespread integration of the extra-historical image of Genghis Khan into various spheres of Mongolian society. However, here it is important to distinguish between the real historical personality of Genghis Khan and the constructed image actively promoted by the contemporary leadership of Mongolia. Critical analysis of these differences allows us to better understand the nuances of collective identity formation. This issue is studied within the framework of a separate direction as Mongology, created by the joint efforts of Russian, French, German, and British researchers of the nomadic Mongolian civilization, its original culture, and which in the last decade has become widespread in Mongolia itself. The study of the work of the last three Mongolian presidents on the image of Genghis Khan is of the greatest interest, since they personify modern Mongolia, and the period of their work covers both the heyday of democracy in the country and its contemporary crisis. It is concluded that the current president will continue to refer the Mongolian people to Genghis Khan, but no longer as a wise builder of the state, but as its inflexible and alternative ruler who ruled until his death. As practice suggests, it is big ideas that come to the aid of the ruling regime when its economic abilities are exhausted and there is nothing to present to the electorate. Thus, in modern Mongolia, the memorial canon is formed as one of the results of the historical policy pursued by the elites, in the framework of which the concept of «statehood», correlated with the category of «Mongolianness», occupies a special place.

Keywords: Mongolian studies, Genghis Khan, national ideology, historical politics, Mongolian Empire, Mongolian People's Republic, modern Mongolia, Mogulistan, Moguls, Chagatai Ulus, Tamerlane, Mongol history, Genghis Khanization, Mongol Uls.

References

1. Kuras L.V. Mongoliya posle Cedenbala: ot marksizma k socialdemokratii. Gumanitarnyj vektor. [Mongolia after Tsedenbal: from Marxism to Social Democracy]. 2014. No. 3 (39). P. 80-88, [in Russian].
2. Terent'ev V.I. Formirovanie i razvitie etnicheskogo samosoznaniya zapadnyh mongolov v konce XIX – nachale XX veka: dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.07. Gorno-Alt. gos. un-t. [Formation and development of ethnic identity of Western Mongols in the late XIX – early XX century: dissertation of Candidate of Historical Sciences]. (Gorno-Altajsk, 2016, 239 p.), [in Russian].
3. Batzhargal Z. K nacional'no-kul'turnoj identichnosti Mongolii. Acta Mongolica. [Towards the National and cultural identity of Mongolia]. 2013. Vol. 14 (400). P. 12-16, [in Russian].
4. Sabloff P.L.W. Genghis khan and modern Mongolian identity : the democracy connection. The Mongolian Journal of International Affairs. 2002. No. 8-9. P. 36-53.
5. SHmyt A.S. Kul't CHingiskhana v period Mongol'skoj Narodnoj Respubliki i v sovremennyj period kak element nacional'noj identichnosti mongolov. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. [The cult of Genghis Khan in the period of the Mongolian People's Republic and in the modern period as an element of the national identity of the Mongols]. 2014. No. 4 (47). P. 307-310, [in Russian].
6. Kuz'min YU.V. Mongolovedy Rossii HKH veka: personalii, tvorcheskoe nasledie, koncepcii. [Mongol scholars of Russia of the twentieth century: personalities, creative heritage, concepts] (Irkutsk, Ottisk, 2022, 320 p.), [in Russian].
7. Zimin O.I. CHingiskhan kak simvol etnicheskoy identifikacii Mongolii v globaliziruyushchemsya mire. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. [Genghis Khan as a symbol of ethnic identification Mongolia in the globalizing world] 2013. No. 1. P. 60-65, [in Russian].

8. Munkh-Erdene L. Selling of Good Father's Name: Legitimacy, Pride and Commodity (Commemoration of Chinggis Khan in Modern Mongolia) Bulletin of School of Human Cultures. The University of Shiga Prefecture. 2008. Vol. 24. No. 12. P. 35-46.

9. Elbegdorzh C. YA syn prostogo arata, nauchivshijsya hodit' sredi vysokih gor. [I am the son of a simple arata, who learned to walk among the high mountains] (Ulan-Bator, SPb, 2014, 202 p.), [in Russian].

10. Svetlov A. Byt' hanom. Kak mongol'skij prezident Hurelsuh ekspluatiruet obraz CHingiskhana. [To be Khan. How the Mongolian President Khurelsukh exploits the image of Genghis Khan]. Available at: <https://babr24.com/mong/?!IDE=238106> (accessed 10.08.2023), [in Russian].

11. Kirchanov M.V. Politika pamyati v Mongolii v konce 2010-h - nachale 2020-h gg.: uchastniki, tematika i perspektivy razvitiya. Izvestiya Vostochnogo instituta. [The politics of memory in Mongolia in the late 2010s - early 2020s: participants, topics and development prospects]. 2023. No. 1 (57). P. 131-146, [in Russian].

12. Leont'eva E.A., Mashiev M.YA. Obraz CHingiskhana v sovetskoj istoriografii. Sovremennaya nauchnaya mysl'. [The image of Genghis Khan in Soviet historiography]. 2022. No. 2. P. 115-121, [in Russian].

Сведения об авторах :

Тайшанова Салтанат Талгатовна – и.о. доцента кафедры международных отношений, Международный университет Астана, Астана, Казахстан.

Ольчикенова Гульмира – докторант кафедры Регионоведения, факультет Международных отношений, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Tayshanova Saltanat Talgatovna – Acting Associate Professor of the Department of International Relations, Astana International University, Astana, Kazakhstan.

Olchikenova Gulmira – Ph.D. student, Department of Regional Studies, Faculty of International Relations, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.